

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Участіе генеральнаго штаба въ войсковой развѣдкѣ.

Участіе генеральнаго штаба въ войсковой развѣдкѣ выражается различнымъ образомъ. Прежде всего нужно напомнить о той помощи, которую долженъ оказывать генеральный штабъ своему военачальнику въ области различнаго рода предварительныхъ расчетовъ и предположеній по выполненію самой развѣдки, а также и въ отдачѣ съ этой цѣлью распоряженій. Здѣсь работа генеральнаго штаба ничѣмъ не отличается отъ изложеннаго уже въ началѣ нашего труда «Служба Генеральнаго Штаба»; поэтому мы и ограничимся здѣсь только

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 6.

ссылкой на очерки 2-й (разработка рѣшенія), 3-й (отдача распоряженій; общія основанія), 4-й, 5-й и 6-й (техника приказаній).

По кромѣ этой непосредственной оперативной помощи военачальнику въ области веденія войсковой развѣдки участіе генеральнаго штаба въ войсковой развѣдкѣ можетъ выразиться трояко:

- 1) личнымъ наблюденіемъ офицеровъ генеральнаго штаба;
- 2) сборомъ свѣдѣній отъ развѣдывательныхъ частей;
- 3) работой на «мѣстахъ сбора донесеній».

Въ минувшія эпохи, а также въ Русско-японскую войну офицеры генеральнаго штаба широко расходовались въ качествѣ начальниковъ развѣздовъ или развѣдывательныхъ отрядовъ. Мы уже неоднократно указывали, что при современныхъ условіяхъ веденія войны съ одной точки обзора уже не представляется батальныя картины былого: одинъ развѣздъ или одинъ развѣдывательный отрядъ имѣеть возможность уяснить слишкомъ небольшую часть всей обстановки. Непроизводительно поэтому расходовать генеральный штабъ на работу, въ которой его съ успѣхомъ могутъ замѣнить строевые офицеры. Генераль Леваль въ своей «Tactique des renseignements» указываетъ, что чѣмъ болѣе военно-образованны строевые офицеры, тѣмъ менѣе можетъ быть посылокъ офицеровъ генеральнаго штаба. Это замѣчаніе генерала Леваля совершенно справедливо и на него намъ слѣдуетъ обратить вниманіе. Мы слишкомъ привыкли во всѣхъ, даже не особенно сложныхъ, случаяхъ прибѣгать къ офицерамъ генеральнаго штаба, отрывая послѣднихъ отъ ихъ собственной, чрезвычайно трудной оперативной службы. Объясняется это, конечно, еще недостаточнымъ тактическимъ образованіемъ нашего офицерскаго состава, въ особенности же малымъ распространеніемъ въ строю высшаго военнаго образованія. Последнее привело даже къ крайне распространенной у насъ точкѣ зрѣнія, что будто бы высшее военное образованіе и генеральный штабъ это синонимы. Что офицеръ генеральнаго штаба долженъ обладать высшимъ военнымъ образованіемъ это не подлежитъ даже спору; но съ тѣмъ, чтобы ограничивать число офицеровъ, получающихъ высшее военное образованіе одною потребностью личнаго состава генеральнаго штаба, нельзя согласиться. Недостаточность числа молодыхъ офицеровъ, получившихъ высшее военное образованіе, и ведетъ къ тому, что, пока фактически генеральный штабъ поглощаетъ почти всѣхъ лицъ, получающихъ высшее военное образованіе, а это въ свою очередь и приводитъ къ непомерному расходованію офицеровъ генеральнаго штаба. При дальнѣйшемъ движеніи

ни нашей арміи по пути къ прогрессу и тѣсно связаннымъ съ нимъ распространеніи высшаго военнаго образованія въ офицерскомъ составѣ, явится возможность избѣгать этого. Нужно предвидѣть послѣднее и обратить вниманіе на то, чтобы примѣненіе офицеровъ генеральнаго штаба внѣ непосредственной сферы ихъ дѣятельности не превратилось въ атавистическій пережитокъ прежнихъ условій.

Какого же принципа слѣдуетъ придерживаться при посылкахъ офицеровъ генеральнаго штаба для личнаго наблюденія за противникомъ? Для рѣшенія этого вопроса нужно помнить, что генеральный штабъ является ближайшимъ и непосредственнымъ сотрудникомъ военачальника въ области веденія операціи; посвященный какъ въ основную оперативную мысль, такъ и во всѣ ея детали и даже въ оперативныя предположенія, офицеръ генеральнаго штаба можетъ замѣнить личное присутствіе военачальника. Поэтому, если вопросъ, разрѣшаемый данной развѣдкой, настолько важенъ, что желательно *лично* присутствіе самого начальника, то въ этомъ случаѣ посылка офицера генеральнаго штаба нужна; строевой офицеръ, даже съ высшимъ военнымъ образованіемъ, не въ состояніи выполнить подобной задачи, ибо онъ не можетъ быть столь же въ курсѣ всей оперативной мысли, какъ офицеръ генеральнаго штаба. Нельзя не замѣтить здѣсь то, что приведенный принципъ не ограничить разсылку офицеровъ генеральнаго штаба у военачальника, стремящагося во все лично вмѣшиваться. Подобно тому, какъ многіе начальники еще злоупотребляютъ вмѣшательствомъ въ кругъ дѣятельности своихъ подчиненныхъ, не будучи въ состояніи примириться съ методами управленія, замѣнившими нынѣ въ крупныхъ войсковыхъ единицахъ прежнее непосредственное командованіе,—подобно этому еще долгое время будетъ существовать тенденція разбрасывать офицеровъ генеральнаго штаба по порученіямъ, въ которыхъ они съ успѣхомъ могли бы быть замѣнены строевыми офицерами. Здѣсь царствуетъ общій законъ жизни; умѣніе пользоваться сложнымъ инструментомъ приходитъ только послѣ долготѣшняго опыта, приучающаго въ то же время къ чрезвычайно осмотрительному употребленію этого инструмента внѣ сферы его специальности.

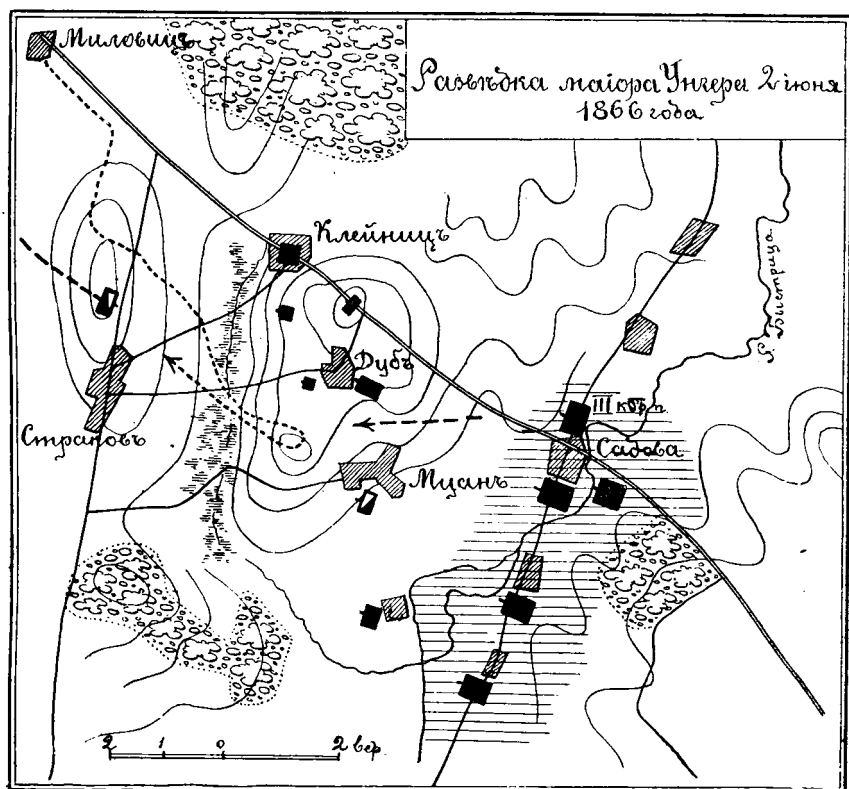
Переходя теперь къ болѣе подробному перечисленію тѣхъ случаевъ, когда мы считаемъ умѣстнымъ употребленіе офицеровъ генеральнаго штаба для личнаго наблюденія укажемъ:

а) на посылку офицеровъ генеральнаго штаба въ направленія, на которыхъ можно ожидать полученіе очень важныхъ свѣ-

дѣній о непріятель, могущихъ дать широкое освѣщеніе всей картины дѣятельности противника. Въ видѣ примѣра приведемъ развѣдку маіора прусскаго генеральнаго штаба Унгера наканунѣ сраженія при Садовой въ 1866 г.

Развѣдка (см. рис. № 1) маіора прусскаго генеральнаго штаба Унгера, произведенная имъ наканунѣ сраженія у Садовой,

Рис. № 1.

является чрезвычайно типичнымъ примѣромъ развѣдокъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Въ видѣ конвоя въ распоряженіе маіора Унгера былъ назначенъ эскадронъ уланъ. Этотъ эскадронъ замѣшкался, и маіоръ съ 16-ю всадниками поѣхалъ впередъ, въ направленіи на Клейницъ, правѣ дороги. Данная ему задача заключалась въ томъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ долину р. Быстрицы. Съ этою цѣлью, изучивъ карту, онъ рѣшилъ прежде всего достигнуть высотъ у с. Дубъ, откуда долженъ былъ открыться хорошій кругозоръ, захватывающій и часть долины р. Быстрицы. Но на ихъ высотахъ,

также какъ и у с. Клейницъ виднѣлись сторожевые посты австрійцевъ. Желая обойти эти посты, маіоръ Унгеръ направился прямо черезъ поля, ища укрытія въ складкахъ мѣстности.

«Спускаясь со склоновъ высоты у с. Стракова, онъ увидѣлъ въ 100 шагахъ отъ себя разъѣздъ австрійскихъ уланъ, идущій въ противоположномъ направленіи. Офицеры отдали другъ другу честь (австрійцы приняли ихъ за своихъ союзниковъ саксонцевъ). Но одинъ изъ прусскихъ уланъ, который не понялъ всю пикантность этого обмѣна привѣтствіями, выстрѣлилъ изъ пистолета. И по странной случайности, рѣдко встрѣчающейся въ подобныхъ случаяхъ этотъ выстрѣлъ попалъ въ цѣль. Лошадь, получившая пулю въ пахъ, упала со своимъ всадникомъ; слѣдующій въ затылокъ всадникъ, наткнувшись, тоже упалъ. Весь разъѣздъ бросился назадъ въ разсыпную, два же упавшихъ улана были взяты въ плѣнъ».

«Далѣе, противъ с. Клейницъ, разъѣздъ встрѣтилъ мѣстныхъ крестьянъ. Отвѣты, которые они дали, вполне совпадали со свѣдѣніями, полученными отъ плѣнныхъ. Согласно ихъ указаній, у Садовой находился III корпусъ, сзади него по направленію къ Кѣнигрещъ X и I; саксонцы были у Проблусъ; III корпусъ выслалъ одну бригаду на высоты у с. Дубъ...»

«Достигнувъ долины ручья, протекающаго къ югу отъ с. Клейницъ, разъѣздъ сдѣлалъ попытку перейти черезъ этотъ ручей. Но, вслѣдствіе болотистости береговъ, лошади проваливались, и переправа оказалась чрезвычайно трудной. Въ концѣ концовъ удалось найти узкій переходъ. Маіоръ Унгеръ, сознавая всю важность дефиле, остающагося у него въ тылу, оставилъ у этого перехода постъ, чтобы сразу найти мѣсто переправы въ томъ случаѣ, если его будутъ преслѣдовать. Самъ же онъ направился къ южной вершинѣ Дубской высоты. Когда маіоръ Унгеръ достигъ этой вершины, передъ нимъ открылась долина р. Быстрицы. Одного только взгляда было достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь находится значительная часть австрійской арміи. Мгновеннымъ обзорѣніемъ и пришлось ограничиться, такъ какъ въ ту самую минуту, когда маіоръ Унгеръ достигалъ вершины, на него бросился австрійскій эскадронъ».

Тогда началась дикая скачка. Непрiятельскіе уланы на свѣжихъ лошадяхъ все болѣе и болѣе настигали разъѣздъ. Этотъ стипль-чезъ черезъ изгороди и канавы продолжался до тѣхъ поръ, пока разъѣздъ, замѣтившій издали свой постъ, оставленный на переправѣ, не перешелъ черезъ нее; съ высоты же у с. Стракова

спускался запоздавшій эскадронъ прусскихъ уланъ, назначенный для сопровожденія маіора Унгера.

Какъ уже неоднократно мы говорили, въ современныхъ условіяхъ веденія войны случаи, подобные вышеизложенному, представляютъ самыя рѣдкія исключенія, ибо условія обзора противника значительно затруднились, даже по сравненіи съ 1866 г.

б) Когда выясненіе хотя и детали получаетъ столь большое значеніе для оперативной работы, что военачальникъ считаетъ полезной личную рекогносцировку. Подобные случаи встрѣчаются въ крѣпостной войнѣ (также и при борьбѣ за укрѣпленныя позиціи), когда управленіе войсками гораздо болѣе централизовано, чѣмъ при дѣйствіяхъ въ полѣ.

в) При организаціи наблюденія военачальника за полемъ сраженія (объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ нашей работы).

г) Когда военачальникъ желаетъ восполнить *личнымъ* наблюденіемъ свѣдѣнія, полученныя отъ войскъ или же считаетъ необходимымъ *лично* ихъ провѣрить. Какъ примѣръ подобнаго примѣненія приведемъ выѣздъ короля Вильгельма и генерала Мольтке со своими офицерами генеральнаго штаба на высоты у Борни-Панжъ утромъ 15-го августа 1870 г., съ тѣмъ, чтобы убѣдиться въ отступленіи французской арміи на лѣвый берегъ р. Мозеля.

Вообще нужно придерживаться того правила, чтобы развѣдки офицеровъ генеральнаго штаба носили по преимуществу краткосрочный характеръ; это должны быть, какъ характерно выражаются французы, «*reconnaisances à coup de sonde*». Посылка офицера генеральнаго штаба на долгій срокъ оторветъ его отъ курса оперативной мысли; послѣднее же дается *исключительно* только постояннымъ живымъ общеніемъ и непосредственнымъ сотрудничествомъ съ военачальникомъ въ области веденія данной операціи.

Наши настойчивыя указанія о необходимости бережливаго расходованія офицеровъ генеральнаго штаба при посылкѣ ихъ для личнаго наблюденія, имѣютъ причиною еще то, что въ области войсковой развѣдки встрѣчаются порученія другого рода, въ которыхъ тоже требуется посылка офицеровъ генеральнаго штаба.

При полученіи данныхъ, добываемыхъ войсковою развѣдкой, нужно считаться съ однимъ условіемъ, о которомъ мы упоминали только вскользь. Вниманіе войсковыхъ частей и низшихъ штабовъ при установленіи тѣснаго соприкосновенія съ противникомъ и въ особенности при веденіи боя настолько поглащается собственными

дѣйствіями, что болѣе чѣмъ часто они совершенно забываютъ ориентировать своихъ начальниковъ и сосѣдей. Конечно, обученіе арміи въ мирное время должно стремиться прочно выдрить въ войска привычку связи наверхъ и въ стороны. Но тѣмъ не менѣе высшіе штабы должны въ свою очередь учитывать эту психологическую черту, присущую даже хорошо подготовленнымъ войскамъ. Психологическія условія борьбы все-таки внесутъ свое разлагающее вліяніе и не будетъ парадоксомъ сказать, что различіе между хорошо подготовленною и дурно обученною арміями выражается только въ томъ, что первая рѣже забываетъ о необходимости связи, но объ забываютъ достаточно часто. У насъ привыкли отдавать должное мирной подготовкѣ нѣмецкой арміи: въ этомъ отношеніи замѣтно даже нѣкоторое увлеченіе. Но вотъ небольшая картинка изъ жизни этой арміи въ эпоху, когда мирная подготовка ея достигала дѣйствительно большой высоты, ибо велась подъ руководствомъ такого великаго знатока военного дѣла, какъ Мольтке. Эта картинка относится къ самому началу Франко-прусской войны.

1-я армія развертывалась у Трира, 2-я у Нейкирхена-Гомбурга. Высшее командованіе придавало особо важное значеніе Саарбрюкену (на рѣкѣ Саарь), у котораго долженъ былъ образоваться стыкъ этихъ двухъ армій и куда былъ посланъ небольшой отрядъ полковника Пестеля; назначеніемъ этого отряда являлось служить какъ бы кнопкой электрическаго звонка, дабы поднять тревогу въ случаѣ, если французы большими силами перейдутъ въ этомъ пунктѣ рѣку Саарь. А между тѣмъ уже 17-го іюля командиръ VIII корпуса (лѣвофланговый корпусъ 1-й арміи) вынужденъ былъ телеграфировать 16-й дивизіи: «Приходятъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Саарбрюкенѣ. Войсковые начальники ничего не доносятъ. Занять или нѣтъ Саарбрюкенъ противникомъ? Несмотря на то, что я нѣсколько разъ запрашивалъ по телеграфу, все-таки не знаю, вошелъ ли непріятель въ Саарбрюкенъ или нѣтъ?» Штабъ 16-й дивизіи тоже ничего не зналъ и долженъ былъ телеграфировать командиру уланскаго полка, напоминая ему о необходимости срочныхъ донесеній даже въ томъ случаѣ, если никакихъ измѣненій въ обстановкѣ не произошло, и о посылкѣ важнѣйшихъ донесеній непосредственно въ штабъ корпуса.

2-го августа впереди Саарбрюкена произошло первое столкновеніе съ французами, заставившее нѣмецкій отрядъ отступить за рѣку Саарь. «Чрезвычайно своеобразны, нишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Верди-дю-Вернуа, были обстоятельства, благодаря ко-

торымъ главная квартира получила 2-го августа первыя извѣстія о боѣ у Саарбрюкена. Въ разгарѣ боя донесенія достигаютъ болѣею частью только ближайшихъ, непосредственныхъ начальниковъ. Послѣдніе посылаютъ ихъ далѣе, но нужно считать за правило, что это ограничивается только тѣми направленіями, откуда ожидаются подкрѣпленія. Вообще вниманіе сражающихся войскъ настолько приковывается къ ихъ собственной дѣятельности, что главная квартира получаетъ въ подобныхъ случаяхъ донесенія очень поздно, часто совершенно окольнымъ путемъ. Въ теченіи 2-го августа въ главную квартиру, находившуюся въ Майцѣ, не постуило отъ войскъ ни одного извѣстія. Между тѣмъ телеграфистъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, употреблявшій часы своего досуга для собесѣдованія со своимъ коллѣгой въ Саарбрюкенѣ, запросилъ его объ общемъ положеніи дѣлъ. Получивъ свѣдѣнія о происшедшемъ столкновеніи и считая ихъ имѣющими важное значеніе, онъ протелеграфировалъ эти свѣдѣнія начальнику полевого телеграфа, полковнику Мейдамъ, отъ котораго мы и узнали впервые объ этомъ. Конечно, по полученнымъ такимъ способомъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ нельзя было составить себѣ яркой картины происходившаго у Саарбрюкена, такъ что Бронзартъ ⁸⁾ вынужденъ былъ къ утру 3-го августа телеграфировать въ штабъ 1-й арміи, прося разъяснить, что же собственно тамъ произошло.

Нарисованная картина не рѣдкій случай упущенія ориентировать высшее командованіе въ данныхъ, добытыхъ войсковою развѣдкой.

15-го августа (см. рис. № 2) 5-я нѣмецкая кавалерійская дивизія Рейнбабена, находилась на одномъ изъ двухъ путей, по которымъ могла отойти отъ Меца армія Базена къ Парижу и притомъ на кратчайшемъ. Такимъ образомъ, для высшаго управленія нѣмецкими арміями, если бы оно было освѣдомлено, хотя бы только о мѣстѣ нахождения дивизіи Рейнбабена, не представлялось бы сомнѣній въ томъ, что армія Базена еще въ Мецѣ. Но свѣдѣнія, добытыя 5-й кавалерійской дивизіей застряли въ штабѣ X корпуса (командиру котораго кавалерійская дивизія Рейнбабена была подчинена), и главнокомандующій и командующій 2-й арміей отдали свои распоряженія на 16-е августа въ предположеніи уже начавшагося отступленія арміи Базена изъ Меца, что привело къ критическому для нѣмцевъ дню 16-го августа, когда III корпусъ неожиданно натолкнулся на всю армію Базена.

⁸⁾ Verdy du Vernois. «Im Grossen Hauptquartir 1870—1871», стр. 56 и 57.

Я былъ бы совершенно невѣрно понять, если все изложенное было бы объяснено, какъ оправданіе войскъ за несообщеніе наверхъ свѣдѣній, добываемыхъ войсковою развѣдкою. Наоборотъ, я счи-

Рис. № 2.

Схема предполагаемаго расположенія штаба сбора донесеній штаба Главкома командующаго и связи въ обстановкѣ расположенія немецкихъ войскъ 15 авг. 1870 г.

такъ безусловно нужнымъ прочное виѣдреніе въ сознание войскъ, что въ современную эпоху, когда высшее командованіе вынуждено работать только по картѣ, когда обстановка вырисовывается только изъ сопоставленія многочисленныхъ донесеній, добытыхъ войсковою развѣдкой съ разныхъ точекъ наблюденія, настоятельно необходимо постоянное ориентированіе старшаго начальника въ происходящемъ. Вполнѣ правильнымъ является требованіе нашего полевого устава (§ 25), возлагающее обязанность отдѣляющагося подчиненнаго связываться со старшимъ начальникомъ и такимъ образомъ возлагающее и отвѣтственность за поддержаніе связи на него же ¹⁰⁾. Но я хотѣлъ здѣсь указать на то, что это только одна сторона дѣла. Нельзя не считаться съ жизнью, успокаиваясь само-

⁹⁾ Начальникъ оперативнаго отдѣленія штаба Мольтке.

¹⁰⁾ Это требованіе установлено еще Полевымъ уставомъ изданія 1904. У французовъ (въ старомъ, скоро замѣняемомъ новымъ) проведенъ другой принципъ: связь устанавливаетъ старшій; съ этимъ нельзя согласиться.

прикрываніемъ параграфами уставовъ и статьями законовъ. Подобная точка зрѣнія возможна только въ канцеляріяхъ, а не въ столь живомъ дѣлѣ, какъ вожденіе войскъ. Наполеону и Мольтке была присуща одна общая черта. Употребивъ всѣ силы своего ума и воли для всесторонней подготовки ожидаемаго событія, они затѣмъ стоически принимали всѣ тренія, которыя создавала имъ жизнь. Они не ограничивались сѣтованіемъ на своихъ подчиненныхъ во время хода самаго дѣла, а принимали прежде всего энергичныя мѣры для того, чтобы парировать встрѣтившіяся затрудненія. Говоря болѣе общими словами, они брали жизнь такой, какой она есть, а не смотрѣли на нее черезъ очки бумажныхъ доктринеровъ. Психологическія условія борьбы, вызывающія ненормальное прикрываніе вниманія борющихся къ ближайшему и непосредственному объекту борьбы, имѣютъ слѣдствіемъ учащенные случаи упущеній въ дѣлѣ поддержанія связи. Таковы условія жизни. Поэтому высшіе штабы, требуя отъ низшихъ штабовъ и войсковыхъ частей своевременныхъ донесеній о противникѣ, *съ своей стороны должны принимать самыя энергичныя мѣры на встрѣчу этимъ донесеніямъ.* Высшіе штабы должны организовать въ полномъ смыслѣ слова поискъ за донесеніями. Это исканіе донесеній выразится въ широко примѣняемой посылкѣ офицеровъ штаба въ низшіе штабы и войсковыя части для сбора имѣющихся у нихъ свѣдѣній о неприятелѣ. Нужно, конечно, вмѣстѣ съ этимъ приучить войска къ мысли, что импульсъ, исходящій изъ нѣдръ высшаго штаба для полученія донесеній, отнюдь *не снимаетъ съ нихъ обязанности и ответственности за поддержаніе связи.*

Предлагаемая посылка офицеровъ штаба для сбора свѣдѣній о противникѣ въ низшіе штабы и войсковыя части будетъ имѣть большое значеніе и для ускоренія полученія высшимъ штабомъ этихъ свѣдѣній, ибо подобный приемъ уменьшаетъ число передаточныхъ инстанцій, черезъ которое должно пройти донесеніе.

Возвращаясь къ приведенному выше военно-историческому примѣру, можно указать, что если бы при дивизіи Райнбабена 15-го августа вечеромъ находился офицеръ штаба главнокомандующаго, Мольтке былъ бы въ теченіе ночи на 16-е освѣдомленъ объ томъ, что армія Базена еще остается въ Мецѣ.

Но можетъ возникнуть вопросъ: нужно ли въ подобныя командировки посылать офицеровъ генеральнаго штаба. Вѣдь только что намъ приходилось такъ много говорить о необходимости экономіи въ разсылкѣ офицеровъ генеральнаго штаба. На этотъ вопросъ слѣ-

дуетъ отвѣтить такъ: если подобное порученіе не требуетъ того, чтобы посылаемый офицеръ былъ въ самой полной мѣрѣ въ курсѣ оперативной работы штаба, то, конечно, слѣдуетъ воздержаться отъ командированія офицера генеральнаго штаба, замѣнивъ его офицеромъ-ординарцемъ. Но часто подобныя порученія не являются простой поѣздкой за опредѣленнымъ отвѣтомъ; часто они требуютъ не только умѣнія самостоятельно разобраться въ получаемыхъ донесеніяхъ и опредѣлить цѣнность каждаго изъ этихъ свѣдѣній для высшаго командованія, но также и способности выполнить задачи гораздо болѣе сложныя, напримѣръ: ориентированіе начальника развѣдывательной части въ вопросахъ, которые особенно интересуютъ высшее командованіе. Подобная задача является тѣмъ болѣе трудной, что эти указанія иногда придется давать войсковымъ начальникамъ, не подчиненнымъ непосредственно; неправильная постановка вопроса въ подобномъ случаѣ легко можетъ повести къ упущенію этимъ начальникомъ задачи, поставленной ему ближайшимъ начальникомъ. Правильное выполненіе подобныхъ порученій по плечу только генеральному штабу, ближайшему сотруднику высшаго командованія въ области оперативной работы.

Примѣненіе техническихъ средствъ связи даетъ значительное ускореніе въ доставленіи донесеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ полезнымъ приѣмомъ для наилучшаго использованія этихъ средствъ является выдвиганіе высшими штабами на встрѣчу ожидающимся свѣдѣніямъ «мѣстъ сбора донесеній», связанныхъ техническими средствами съ выдвинувшимъ ихъ штабомъ. Примѣненіе подобнаго способа даетъ съ одной стороны экономію техническихъ средствъ низшихъ войсковыхъ соединеній для связи назадъ, позволивъ имъ за счетъ этой экономіи широко использовать свои средства связи для связи впередъ. Съ другой стороны непосредственная связь штаба со своими «мѣстами сбора донесеній» уменьшаетъ число передаточныхъ инстанцій. Въ разсмотрѣнномъ выше примѣрѣ, касающемся 5-й нѣмецкой кавалерійской дивизіи, учрежденіе въ Тіокурѣ «мѣста сбора донесеній» штаба главнокомандующаго (см. рис. № 2) обезпечило бы быструю передачу генералу Мольтке донесеній изъ дивизіи Рейнбабена.

Предлагаемая мною «мѣста сбора донесеній» очень часто будутъ обслуживать одновременно не только войсковую развѣдку, но и тайную, поэтому можно ожидать наплыва къ нимъ большого количества свѣдѣній. Опытъ Русско-японской войны показалъ постоянную значительную перегрузку телеграфа и, какъ слѣдствіе

этого, частое запаздываніе цѣнныхъ сообщеній. Представьте себѣ, что на головную станцію нашего телеграфа поступаетъ большое количество донесеній, которыя передаются дальше въ порядкѣ ихъ поступления на станцію. Легко можетъ случиться, что какое нибудь свѣдѣніе, являющееся въ данную минуту для штаба наиболѣе цѣннымъ, долго будетъ ждать очереди, а тѣмъ временемъ будетъ передаваться длинный рядъ телеграмъ, представляющихъ гораздо меньшій интересъ. Нѣкоторое упорядоченіе этого вопроса достигается подраздѣленіемъ телеграмъ на разряды по степени ихъ спѣшности, но объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ выпускѣ, здѣсь же нужно сказать, что подобныхъ разрядовъ можетъ быть установлено немного—два, три—и нужная телеграмма можетъ быть задержана сообщеніями однороднаго разряда; главное же то, что цѣнность, которую можетъ представить въ данную минуту для штаба свѣдѣніе, часто можетъ опредѣлить только офицеръ генеральнаго штаба, близко знакомый съ предположеніями старшаго начальника. Вотъ почему, въ тѣхъ случаяхъ, когда можно ожидать обильный притокъ свѣдѣній къ «мѣсту сбора донесеній», полезно назначать для руководства имъ офицера генеральнаго штаба. Роль этого офицера заключается въ томъ, что прочитывая всѣ поступающія донесенія, онъ будетъ устанавливать порядокъ и способъ ихъ передачи. Имѣющее ближайшее по времени значеніе онъ будетъ передавать по телеграфу, установивъ при этомъ очередь передачи. Менѣе важныя свѣдѣнія, въ случаѣ перегрузки телеграфа, будутъ передаваться послѣдному въ видѣ сводокъ, подлинникъ же отправляться другими средствами связи (автомобили, мотоциклетки, почтовые подставы, летучая почта). Нужно имѣть еще въ виду то, что иногда получаетъ большое значеніе немедленная передача нѣкоторыхъ изъ поступившихъ свѣдѣній не только въ свой, но и въ другіе штабы. Для поясненія моей мысли приведу слѣдующій примѣръ. Предположимъ, что 5-я нѣмецкая кавалерійская дивизія во время своихъ дѣйствій 15-го августа 1870 года была подчинена главнокомандующему, и генераль Мольтке учредилъ въ Тюкурфъ мѣсто для сбора донесеній. Полученныя въ Тюкурфъ свѣдѣнія отъ генерала Рейнбабена о нахожденіи его дивизіи у Марсъ-ла-Тура на кратчайшемъ и главнѣйшемъ пути изъ Меца въ Парижъ, а также то, что эта дивизія не обнаружила крупныхъ непріятельскихъ частей къ сѣверу отъ Марсъ-ла-Тура на пути Мець—Конфланъ—Вердюнь имѣло первостепенное оперативное значеніе и для штаба 2-й арміи, командующій

которой принцъ Фридрихъ Карлъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ генераль Мольтке, рисовалъ себѣ картину полнаго отступленія французской арміи и считалъ, что вопросъ сводился уже къ преслѣдованію французовъ (см. первыя строки приказа по 2-й арміи на 16-е августа). Свѣдѣнія отъ генерала Реймбабена должны были бы быть, тотчасъ по полученіи ихъ въ мѣстѣ сбора донесеній въ Тюкурѣ, переданы не только въ штабъ Мольтке, но и непосредственно въ штабъ 2-й нѣмецкой арміи. Въ проектѣ Полевого устава, составленнаго нашей академіей, сочтено было нужнымъ указать на необходимость иногда назначать на мѣста сбора донесеній офицеровъ генеральнаго штаба. Это указаніе принято въ утвержденномъ въ 1912 г. нашемъ Полевомъ уставѣ (§ 63).

Теперь остается еще коснуться вопроса о работѣ генеральнаго штаба въ самихъ штабахъ по обработкѣ данныхъ, добываемыхъ войсковою развѣдкой. Изложенію этого вопроса спеціально посвящается 12-й очеркъ настоящей книги. Здѣсь же только скажемъ нѣсколько словъ объ участіи генеральнаго штаба въ опросѣ плѣнныхъ и въ изученіи захваченныхъ у непріятели предметовъ и документовъ (то, что мы называли «вещественными доказательствами»). Вполнѣ ясно изъ вышеизложеннаго, что если одною изъ задачъ генеральнаго штаба является разработка и подготовка оперативнаго рѣшенія, то въ опросѣ плѣнныхъ и въ изученіи «вещественныхъ доказательствъ», онъ долженъ принять непосредственное и ближайшее участіе.

Ж. Голубинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

